

Ламберт наблюдал, как две волшебницы стояли над неподвижной формой Голубых глаз. Она стояла неподвижно, ее руки и ноги были привязаны к чертовой мерзости, которой был «Грустный Альберт». Ее грудь была неподвижна, и впервые тот факт, что ей не нужно было дышать, сильно нервировал его, делая ее слишком похожей на труп. Единственным признаком жизни были ее постоянно нахмуренные брови, лицо, искаженное гримасой дискомфорта, веки трепетали, как будто ей приснился особенно плохой сон.

Образы сна, обычно скрытые в самых потаенных уголках сознания человека, теперь проецировались над ней, чтобы их могли увидеть собравшиеся. Меригольд и Йеннифэр были сосредоточены на девушке, привязанной к столу, но все остальные смотрели на плывущее над ними похожее на облако привидение. Это напомнило Ламберту мегаскоп Йеннифэр. Это сумасшедшее изобретение, которое позволяло ей видеть и разговаривать с людьми по всему континенту. Фигуры в проекции выглядели так, будто они находились под водой, их формы струились в воздухе над головой, их голоса эхом разносились по главному залу.

Ламберт стоял в нескольких футах от Голубых глаз и стервозных волшебниц, сжав кулаки и загипнотизированно глядя на мерцающие образы. Он видел, как Голубоглазые тренировались с другим демоном, рога и хвост были для него сюрпризом, поскольку у нее не было ни того, ни другого. Он, как и другие, видел суд и клеймение. Она рассказала ему о том, что она стала Привратником. Затем он наблюдал, как она столкнулась с огромным, похожим на кабана монстром, который пожирал людей на странно освещенном продуктовом рынке. Ее учитель убил зверя одним выстрелом из странной взрывной палки. Ему придется спросить ее, что это за оружие и где его можно достать.

За этим последовала череда других встреч с разными типами демонов. Некоторые из них имели заметное сходство с монстрами из его собственного мира, за исключением того, что все они были расположены на инопланетном фоне, наполненном слишком яркими огнями всех цветов, которые он мог себе представить, и странными геометрическими каменными конструкциями, которые, казалось, содержали бесконечное количество люди.

Когда появилось воспоминание о смерти ее учителя, глаза Ламберт рефлекторно переместились на голубые глаза. Она все еще была неподвижна, ее тело было окружено пурпурной аурой заклинания Йеннифэр. Однако теперь ее лицо было сморщенным и обеспокоенным. Складка, с которой он так хорошо познакомился, спряталась между ее бровей. Ее рот сжался в гримасе. Его мышцы дернулись от признаков дискомфорта, его подсознание кричало, чтобы оно обратилось к ней, но он знал, что если он прекратит ритуал прямо сейчас, Весемир никогда не прислушается к разуму. Ее просьба о помощи будет отклонена.

Воспоминания потускнели, и Ламберт почувствовал, как в главном зале слегка изменилась атмосфера. Оглянувшись, он увидел Весемира, смотрящего на привидение: его старые брови нахмурены, а янтарные глаза обеспокоены. Очевидно, вид голубых глаз, воющих над трупом ее учителя, задел старого ублюдка за живое. Хороший. Он хотел увидеть ее правду, теперь он видел ее всю. Ламберт почувствовал укол гнева из-за того, что самые глубокие мысли и чувства девушки были выставлены напоказ этим незнакомцам, как портреты в дерьмовой галерее.

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть собравшуюся толпу, смотрящую на нее, что-то вроде церемонии. По внешности они были гуманоидами, но у всех были тонкие признаки того, что они не совсем люди. Все они были демонами, и это был тот город, о котором она говорила. Рядом с ней стоял старик с белыми волосами и тонкими усами. Он улыбнулся, но его темные, почти черные глаза не изменились, когда он обратился к собравшимся демонам. Наверху было звездное небо, вокруг располагались жилища разного дизайна. Некоторые из них были похожи

на странные поселения из ее предыдущих воспоминаний, некоторые здания выглядели так, будто они принадлежали Новиграду или Оксенфурту. Это была мешанина размеров, стилей и материалов, но здания удерживали его внимание лишь так долго, прежде чем его внимание привлекли различные выражения перевернутых лиц.

Большая часть из них была безразлична и тупо смотрела на любые формальности, происходящие перед ними. Некоторые из стоящих впереди выглядели уважительно, один или двое даже были счастливы, но не они привлекли внимание Ламберта. Среди безразличия были выражения, которые он очень хорошо знал. Они были полны презрения, отвращения, возмущения, подозрений и предубеждений. Именно такие выражения он видел всякий раз, когда входил в новую деревню или город. Именно такие выражения он видел, когда приходил получать плату от какого-нибудь бедного, коренного фермера или старейшины. Это были те выражения лиц, которые он видел, когда хотел минутку общения или покоя в местной таверне или борделе. Так было до тех пор, пока он не заплатил им, казалось, что деньги могут вылечить все плохие мысли.

Особенно выделялось одно лицо. Впереди был рогатый демон, который вначале оскорбил Голубоглазку, тот самый, который ненавидел ее победу над ним в суде. Он посмотрел на девушку полными ненависти глазами, ее внимание тоже было сосредоточено на нем, из-за чего никому из них было трудно пропустить то, что он сделал дальше. Воспоминание было истинным отражением того, что видели и слышали Голубые глаза, когда оно было создано, поэтому, пока он говорил, с его движущихся губ не срывалось ни звука. Но собравшиеся ведьмаки были достаточно зоркими, чтобы понять, что он сказал ей в тот момент аплодисментов собравшейся толпы.

«Грязный полукровка».

Ламберт почувствовал оскорбление так, как будто это он получил его, а затем внезапно это был он, когда воспоминания изменились, и она стояла в узнаваемой деревне перед кричащей толпой крестьян.

'Ненормальный.'

«Мутант».

«Ведьмачьи отбросы».

Смена была резкой, и Ламберту потребовалось время, чтобы понять, на что он смотрит. Это воспоминание было ясным, рябь утихла и стала напоминать скорее зеркало, чем лужу, и в этом зеркале он увидел свое собственное отражение, глядящее на бунтующих деревенских жителей. Вот только это было не идеальное отражение, именно таким его видели Голубые глаза. Он почувствовал, как его шея покраснела от жара, когда он посмотрел на свою слишком сильную челюсть, его плечи почему-то стали шире, а глаза светились горящим янтарем. Его позиция была вызывающей и гордой, но не той ревнивой гордости, которую он так часто источал. Это был человек, который не знал своего величия. Камни и комья земли отскакивали от этого незнакомца, на его лице застыла каменная маска безразличия.

Было странно наблюдать, как воспоминания, которыми он поделился, разыгрываются перед его братьями-волками. Теперь он чувствовал себя незащищенным перед ними, когда Голубые глаза обратили ее внимание на приближающегося грубияна. Как его звали? Рика, вот и все. Он услышал ужасающий рев, исходящий из Голубых глаз, и Рику, отшатнувшуюся от страха. Зловещее предчувствие охватило Ламберта, когда он искоса взглянул на ведьмаков, стоявших

рядом с ним. Борода на бровях Весемира стала глубже, Эскель смотрел широко раскрытыми глазами, а Геральт... Геральт смотрел прямо на Ламберта с гранитным суровым выражением лица.

Ламберт быстро отвернулся, не желая, чтобы брат знал, что он обеспокоен. Он был как раз вовремя, чтобы увидеть, как Синие глаза упали на пол, а его меч был поднят над ней, залитый темной-темной кровью. Он услышал, как крики крестьян превратились в аплодисменты, но больше не мог видеть ничего из своего окружения, поскольку предсмертное видение девушки сосредоточилось на нем и на его обеспокоенном выражении лица.

Когда воспоминание исчезло, Ламберт почувствовал, как на него повернулись шесть пар глаз. Жар вокруг его шеи усилился, но он не собирался доставлять им удовольствие, увидев свое смущенное лицо. Это последнее воспоминание рассказало о нем больше, чем о намерениях Голубоглазых. Кроме того, он подчеркнул их общий опыт. Кем бы или чем бы она ни была на самом деле, похоже, в свое время ей пришлось столкнуться с изрядной долей ненависти и изоляции. Укол вины и обиды пронзил его и без того напряженную грудь, и Ламберт обнаружил, что смотрит на неподвижную фигуру девушки, которую он привел сюда, а не на ее воспоминания.

Именно по этой причине он увидел драматическую перемену в ранее неподвижной девушке на столе. Из относительно спокойной, если не немного встревоженной, она превратилась в неподвижную, как деревянную доску. Ее руки, привязанные к «Грустному Альберту», сжались в кулаки, а губы растянулись в рычании боли.

— Эй, что за дерьмо вы двое, — начал Ламберт, а затем услышал отчаянный плач маленького ребенка. Сцену, парящую над ними, поначалу было трудно разглядеть. Во многом потому, что было так темно, и синим глазам явно было трудно что-либо видеть. Ламберт отметил, что в предыдущих воспоминаниях во время тренировки или охоты на демонов-изгоев было так же темно, но детали были более ясными. Как будто в этом конкретном воспоминании она не могла видеть так же хорошо.

Когда ее глаза привыкли, они смогли различить стволы деревьев и густой подлесок. Ее ноги были босыми и бледно блестели в тусклом лунном свете, они были тощими и огромными. Ноги ребенка. Плач стал громче, и Ламберт с тошнотворным чувством задумался, не Голубые ли это глаза. Затем между рыданиями раздался голос маленького мальчика.

— Элли, помедленнее. Я не могу идти в ногу. Она оглянулась на мальчика, его лицо зависло у ее бедра. Круглая бледная луна, заплаканные щеки, обрамленные копной вьющихся темных волос. Он споткнулся позади нее, его ноги зацепились за корни и ежевику.

'Не это.'

Взгляд Ламберта снова метнулся к старшей девушке перед ним. Ее лицо все еще застыло под маской боли, но говорила именно эта ее версия. Он был в этом уверен. Это вырвалось в рычании вызова, пропитанном огромным напряжением, как будто она с кем-то боролась. Две волшебницы тоже смотрели на ее лицо, Меригольд растерялась.

'Что происходит?' Это не Ламберт спрашивал. Весемир сделал шаг вперед, его глаза были устремлены на них.

«Она сопротивляется. Она пытается помешать нам увидеть это». Голос Меригольд был таким же напряженным, как и голос Голубых глаз. Ламберт почувствовал теплое удовлетворение от того, что она, по крайней мере, доставила им неприятности. Ему не нравилась мысль, что из

нее высосали всю борьбу в той мрачной дерьмовой яме, которую Весемир любил называть тюрьмой.

— Что она пытается скрыть? — пробормотал старый ведьмак.

«Это старые воспоминания. Тот, который она хранит глубоко зарытым. Здесь ее подсознательная защита особенно сильна». Йеннифэр ответила своим обычным холодным тоном. Невозмутимый ничем, прежде всего, у Ламберта от этого закипела кровь.

— Тогда продолжайте. Сказал Весемир, мрачно кивнув, отступая назад. Ламберт пристально взглянул на него.

— Но ей больно. Посмотрите на ее лицо. Старый ведьмак взглянул на него размеренным взглядом, лишенным эмоций.

«Если вы утверждаете, что это правда, то никакой физический вред не будет иметь длительного эффекта. Ее нельзя убить, верно? В этот момент Ламберту не хотелось ничего, кроме как ударить кулаком по стойческому лицу старика. Он почувствовал, как его руки дрожат, оставаясь прижатыми к бокам. И Эскель, и Геральт отвернулись от призрака и настороженно посмотрели на него, но даже с его вспыльчивым характером он знал, что лучше не устраивать сцену. Любое нарушение ритуала могло повредить Синим глазам, несмотря на пренебрежительное отношение Весемира к ее способностям.

Ребенок резко вскрикнул, и всеобщее внимание снова переключилось на плывущее облако воспоминаний. Они все еще бежали; Деревья поредели, и голубые глаза теперь скользили по залитому лунным светом лугу, высокая трава и цветы покачивались на ветру. Мирная обстановка совершенно противоречила отчаянным звукам детей, бегущих от бог знает чего.

Словно отвечая на невысказанный вопрос Ламберта, она оглянулась и из темноты, словно состоящей из теней, вышла группа мужчин. Их было четверо, и все они бежали за двумя детьми, их лица были затуманены и кошмарны. Мальчик, которого Голубоглазые тащили за собой, споткнулся и упал, его маленькое тело на мгновение исчезло в высокой траве. Она остановилась и сунула руки в луговую траву, подняла мальчика за руки и посадила его на свое бедро. Она снова побежала, хотя и значительно медленнее, и Ламберт почувствовал, как его внутренности сжались от страха.

Теперь он был в более ярком лунном свете, и они могли видеть, что мальчик был одет в тунику со странным узором. Его вьющиеся волосы взлохмачены, его широко раскрытые глаза наполнены ужасом и имеют знакомый оттенок синего. Нетрудно было подвести итог: он был родственником Голубоглазых, и Ламберт догадался, что он был ее братом. Он смотрел через ее плечо, пока она шла по лугу, его взгляд был устремлен на преследователей.

Что делала группа мужчин, преследовавших этих детей ночью через лес? Почему-то Ламберт думал, что знает ответ, он также подозревал, почему Голубоглазые не хотели, чтобы они это видели.

Она не произнесла ни слова с момента своего первого протеста. Теперь она снова была неподвижна, хотя ее мышцы были напряжены от пуга, а на лице все еще застыла гримаса боли. Он наблюдал, как Меригольд наклонилась ближе к лбу, пот капал с ее лица от напряжения. Дети бежали дальше, пока не достигли другой стороны луга, нырнув обратно в линию деревьев, и тьма снова поглотила их плохо одетые тела.

— С мамой и папой все будет в порядке? Маленький мальчик завыл. Голубые глаза заставили

его успокоиться, но он взял пухлую руку и потянул ее за растрепанные волосы. 'Я хочу домой. Отведи меня домой.'

«Мы не можем... пойти домой, Джейми. Дом... ушел. Нам нужно... бежать прямо сейчас. Ее слова звучали отрывисто, поскольку последствия бега босиком по сельской местности с прикрепленным к ней небольшим грузом начали давать о себе знать. Ламберт чувствовал себя беспомощным, наблюдая, как дети отчаянно пытаются спастись от того ужаса, который они оставили после себя. Их родители, скорее всего, мертвы, судя по комментариям Голубоглазых, и мужчины, которые выглядели совсем не дружелюбно, догоняли их. Больше не было разговоров, пока она пробиралась сквозь густой подлесок, голубые глаза сосредоточили всю свою энергию на том, чтобы уйти, но это было бесполезно.

Они догнали их, когда дети подошли к большому упавшему дереву, ствол которого был покрыт сломанными ветвями. Голубоглазые попытались перепрыгнуть через него, но потерпели неудачу. Скрутившись, она врезалась в дерево и отправила мальчика растянуться в грязи. Прежде чем она смогла прийти в себя, на нее упала темная тень, и большая рука оттащила ее от ствола. Она упала обратно в грязь, давая им всем искаженное представление о преследователях.

Из-за темноты и ее плохого зрения все еще было трудно что-то разглядеть, но Ламберт смог различить высокую, широкоплечую фигуру. Темная борода пересекала его подбородок, зубы блестели в лунном свете, когда он ухмылялся, глядя на свою жертву. «Попался, маленькая сучка. Ты пытаешься убежать от нас?»

Его акцент был неузнаваем для Ламберта, его одежда была сделана из той же сшитой на заказ ткани, что и короткие брюки Голубоглазых. На заднем плане он услышал визг мальчика, когда один из мужчин схватил его. Голубые глаза попытались вскочить на ноги, бросившись на помощь брату и сестре.

— О нет, ты не мисси. Сказал мужчина, который ее схватил. Он взмахнул мясистой рукой и сильно ударил девушку по лицу. Ламберт вздрогнул. Он много раз видел подобных людей на Пути. Некоторых из них они даже встречали по пути сюда. Они были отбросами; придираются к слабым и получают от этого удовольствие. Если бы это был его мир, он бы истребил многих из них и заставил перерезать себе глотки.

Тень мужчины на мгновение уставилась на нее, его сияющая улыбка стала шире. Затем он прыгнул на нее, прижав свое тело к ней, еще сильнее вдавив ее в грязь. Голубые глаза вскрикнули от страха, и Ламберт почувствовал, как ногти начали врезаться в ладонь. Бурлящая горячая желчь наполнила его рот, когда мужчина засмеялся, пытаясь прижать руки девушки, когда она пиналась и боролась под ним. В стороне визг мальчика стал громче, и голубые глаза отвернули ее голову от нападавшего ровно настолько, чтобы увидеть судьбу брата. Двое мужчин пытались удержать его, но маленький мальчишка сопротивлялся. Один из них выругался и отшвырнул другого.

'Достаточно. Просто убей это маленькое дерьмо. Он зарычал, схватив мальчика за горло. Его визг резко оборвался, и тогда Голубые глаза действительно начали кричать.

Сначала. Ламберт подумал, что это просто видение, издающее пронзительный, похожий на гарпию звук, затем он посмотрел вниз и увидел, что рот девушки-демона был открыт, ее спина выгнулась, когда она кричала о своей ярости и неповиновении в главном зале крепости.

— Останови этого Весемира. Он наполовину плюнул, наполовину умолял ведьмака, стоявшего

рядом с ним. — Мы видели достаточно.

Но Весемир не узнал Ламберта, он был зациклен на видении. Его старая бровь нахмурилась еще глубже. Ламберт выругался, повернувшись к кошмару, развернувшемуся перед ними всеми. Ее брат был в силуэте. Его маленькую тень удерживала гораздо большая и сильная тень. Его маленькие ножки дергались в тщетной попытке избежать мрачной участи. Труссы. Отбросы . — подумал Ламберт, кровь, которую он вытянул, капала из его кулаков.

Голубые глаза продолжали кричать даже тогда, когда ноги ее брата перестали двигаться, а человек, задушивший его до смерти, бросил его в грязь рядом с ней.

— Заткни ее, ладно? Если она продолжит в том же духе, нас завалят полицейские. - сказал его убийца.

Мужчина, сидящий на ней сверху, дал ей еще одну сильную пощечину, но, за исключением короткой паузы, это мало что помогло остановить излияние ужаса, исходившее от девушки. «Заткнись!» - крикнул мужчина.

«Просто покончим с этим. Мы закончили здесь. Детоубийца сказал. Мужчина над голубыми глазами издал разочарованный рык. Затем он схватил ее за плечи и наполовину поднял, наполовину потащил через лес, а затем толкнул обратно всем своим весом.

Раздался отвратительный влажный звук. Резкий стук и безошибочный шум разрывающейся плоти. Голубые глаза перестали кричать, и ее взгляд скользнул вниз, к груди, где теперь сквозь тонкую ночную рубашку торчал темный зазубренный шип. Такая же темная лужа начала распространяться из этой области, и Ламберту потребовалось мгновение, чтобы соединить точки. Ублюдок насадил этого ребенка на сломанную ветку, торчащую из упавшего дерева. Оно проникло прямо в ее сердце. Зная все, что он делал об убийствах – монстров и людей – он знал, что это будет медленная и мучительная смерть. Самый худший вид.

Удовлетворенный своей работой, ухмыляющийся мужчина отвернулся вместе со своими товарищами и исчез в тени леса. Оставив позади одного мертвого маленького мальчика и одну умирающую девочку.

Итак, вот как это произошло? С таким же большим выбором и свободой воли, как ему было дано. Ламберт никогда не испытывал такой ярости. Он гордился тем, что был человеком, который мог применять такие же пытки и наказания, как и те, кто их применял. Теперь все, что он мог сделать, это смотреть... и ждать.

Он не был уверен, когда голубоглазые в главном зале вместе с ними перестали кричать, но внезапно на него наступила тишина. И только тихие, удушающие звуки умирающей девушки могли его сломать. Четыре ведьмака и две волшебницы застыли в угасающем свете главного зала. Мышцы Ламберта напряглись от долгого стояния, ритуал занял весь день, но он все равно стоял, как и остальные, наблюдая и ожидая.

Он не был уверен, сколько времени прошло с того момента, как мужчины оставили ее, но примерно в тот момент, когда ее предсмертное дыхание стало едва слышным, атмосфера в лесу изменилась. Раньше деревья и растения смешались в неразличимую мешанину черного и темно-серого цветов. Теперь весь лес, казалось, посветлел, пока деревья не стали отчетливо выделяться в темноте, а окружающий их подлесок сиял ночной росой. Это напомнило Ламберту, как выглядел мир, когда он выпил дозу Кэт. Голубые глаза грустно вздохнули, смирившись со своей судьбой. Затем из тихого леса донесся теплый голос прямо ей в ухо.

«Такое печальное положение дел. Я ненавижу видеть такое расточительство. Бледная светящаяся рука появилась на ее плече, затем над ней материализовалось лицо. Девушка, при смерти, томно повернула голову в сторону незнакомца. Это было незнакомо ей, но Ламберт узнал в этом лице того же ухоженного пожилого человека, который стоял с голубыми глазами перед толпой демонов. Теперь он улыбнулся. Доброжелательная, успокаивающая улыбка. У него было дружелюбное морщинистое лицо и белоснежные волосы, которые казались почти прозрачными. Тонкие усы поднялись, когда он сиял на нее.

«Я знаю, Элеонору это ранит, но жизнь такова».

'Кто ты?' Ее голос был едва слышен, как вздох, но мужчина отчетливо ее слышал.

— Это не имеет значения. Я тот, кто помогает душам, насильственно вырванным из своих хозяев. Молодые, которые могут дать гораздо больше». Его голос был подобен нагретому меду. Скользя вокруг них, согревая их даже через фильтр воспоминаний. Ламберт почувствовал дрожь, глядя на это лицо. В этих темных, почти черных глазах была сила. Соблазнительность его голоса обещала миру. На его голове не было ни рогов, ни отметин на лице, но именно так он представлял себе демона.

'Что ты хочешь?'

— Я хочу тебя, Элеонора Блэквуд. Я хочу, чтобы ты присоединился ко мне и жил дальше. Станьте чем-то большим. Скажи мне, ты хочешь умереть? Был долгая пауза.

'Нет.' Его улыбка стала шире.

'Хороший. Но одного желанья жить, к сожалению, недостаточно?» Его улыбка потускнела. Внезапный голод в его глазах заставил руку Ламберта дернуться к мечам. — Ради чего ты хочешь жить, моя дорогая?

Еще одна пауза, на этот раз более продолжительная. Затем было так тихо, что его можно было принять за ветерок в листве. 'Мечь.'

«Итак, вы получите это, но за все приходится платить». — сказал мужчина, и его глаза стали черными. Точно так же, как глаза одной девушки-демона, когда она была на пике своей силы. «Надеюсь, ты переживешь это, пока никому не удалось. Но у меня такое чувство, что ты будешь моим величайшим достижением... юная Элли».

Мужчина снял руку с ее плеча и держал ее прямо над ее грудью. Прямо над ней ветка все еще торчала насквозь. С этого момента начал сиять яркий белый свет. Оно было настолько ослепительным, что Ламберту было трудно смотреть прямо на него. Пальцы мужчины слегка сомкнулись, образуя коготь над светом, и медленно, очень медленно он начал подтягивать свет ко рту девушки.

На этот раз крик, исходивший от обеих девушек, говорил о неопишуемой боли. Казалось, ее внутренности вытаскивали через нос ржавым крюком. Ламберт уже слышал подобные крики, эхом отдающиеся от стен. Словно чтобы подкрепить это воспоминание, настоящие голубые глаза внезапно вздрогнули. Ее позвоночник выгнулся над столом, руки напряглись в металлических путах вокруг запястий. Он увидел, как стол застонал от напряжения, как скрипел металл, когда она потянула его. Над ней ослепляющий свет мерцал и пульсировал, бьась, как сердце. Лицо старика исказилось в гримасе, поскольку все, что он делал, сказывалось на нем. Чем ближе свет приближался к лицу девушки, тем громче она кричала.

Инстинктивно Ламберт закрыл уши руками, не давая ужасающему звуку повредить его сверхчувствительный слух. Он полуобернулся, чтобы посмотреть на ведьмаков, стоящих рядом с ним, и увидел, как Эскель и Геральт копируют его. Весемир был единственным из них, руки которого были расслаблены, а на лице была пустая маска. Стороннему наблюдателю он показался бы спокойным и не затронутым мучительными криками девушки, однако Ламберт знал его лучше. Обычно румяные щеки старого ведьмака были алебастрово-белыми, даже бледнее, чем аномально обесцвеченная кожа Белого волка. Его янтарные глаза были прикованы к призраку, и в них чувствовалась глубокая боль, пока он наблюдал за разворачивающимися событиями.

— Останови их, Весемир! Ламберт услышал свой крик, перекрикивая шум. Крик, исходивший из Голубых глаз, был душераздирающим. Он впервые слышал, чтобы она издавала такой звук, но он был точно таким же, как в его кошмаре. Старый ведьмак по-прежнему не реагировал. Остальные трое выжидающе смотрели на своего лидера. Даже Геральт, который с самого начала был против девушки, умоляюще смотрел на своего наставника, но Весемир ничего не сказал.

«К черту все это! Прекратите это немедленно! Ламберт попробовал еще раз. Меригольд и Йеннифэр все еще были глубоко сосредоточены, но лица обеих были обеспокоены, пока их объект метался и боролся с ее ограничениями. «Грустный Альберт» издал еще один стон, когда мышцы рук девушки напряглись. Ламберт даже клялся, что видел, как металл поддался.

Над ними всеми свет стал сильнее. Достигнув пика, как и звук крика. Старик, выполнявший мучительный ритуал над Голубыми глазами, резко отдернул руку, свет сгустился и вышел из тела умирающей девушки через ее открытый, кричащий рот. Он завис в нескольких дюймах ниже руки мужчины, которую он держал, как коготь, держа светящийся светлячок, похожий на мяч. Ламберт никогда не видел ничего подобного, и у него было очень мало контекста для того, что на самом деле происходило перед ним. Однако шар света излучал знакомое тепло, мягко пульсирующий ритм создавал атмосферу спокойной безмятежности, контрастирующую с жестокими сценами, произошедшими секундами ранее. Он не был уверен, откуда он это узнал, но в тот момент, изучая странный шар, он знал, что смотрит на отстраненную душу Голубых глаз.

«Молодец, девочка. Ты все еще дышишь. Сказал старик. Его ранее сдержанное поведение взбесило. «Теперь закончим переход». Он сделал резкое движение рукой, и ее душа исчезла, растворившись в ничто. Внезапно лес погрузился в густую тьму, и Ламберт почувствовал, как у него скрутило внутренности, когда старик достал пузырек с темно-бордовой жидкостью. Без колебаний он открыл флакон и вылил все его содержимое в задыхающийся рот Голубоглазых. Она издала сдавленный булькающий звук, когда жидкость заблокировала ей дыхательные пути, а затем все ее тело начало конвульсировать.

Старик положил руку ей на грудь, прижимая ее к земле и останавливая худшие движения. Однако настоящие голубые глаза не оказали такого же сопротивления, и раздался громкий резкий визг, когда оба металлических ограничителя на ее запястьях были вырваны из стола, освобождая ее руки в вихре движения.

Ламберт в одно мгновение оказался рядом с ней, наполовину оттолкнув Йеннифэр, за что получил ядовитый взгляд, но ему было плевать. Он снова схватил ее руки, крепко сжимая ее запястья, но даже изо всех сил старался успокоить ее сильные спазмы.

— Черт возьми, все это! Черт возьми, прекрати это дерьмовое шоу, пока она не навредила себе... или кому-то еще!» Он чувствовал на себе взгляд Йеннифэр, борясь с синими глазами.

Пурпурное сияние все еще окружало ее тело, и он чувствовал, как его тело покалывает там, где его руки сжимали ее, но ему было все равно. Единственное, что имело значение, — это прекратить эту пытку. Он был слишком молод и напуган, чтобы вмешаться, поскольку его друзья были разорваны на части во время Испытания Травами, и их собственные крики преследовали его всякий раз, когда он возвращался сюда. По крайней мере, теперь он мог сделать что-то, что угодно.

«Отойди, идиот. Оставаясь там, ты принесешь больше вреда, чем пользы. Ламберт взглянул на Йеннифэр, его губы скривились от отвращения.

«Пошел ты. Вы причиняете больше всего вреда, позволяя этому продолжаться».

«Я не могу просто прервать ритуал без согласия Трисс. Результат, скорее всего, убьет их обоих... навсегда в случае Трисс». Ламберт прищурился на волшебницу, но не стал настаивать. Он знал Йена достаточно хорошо, чтобы понимать, что прямой спор ни к чему не приведет.

Голубые глаза металась по его объятиям, и его внимание на мгновение привлекло ее. Не в силах высвободиться из его хватки, она ударила руками по краю стола, ее пальцы сжали металл так сильно, что он услышал, как он сгибается. Над ними ее более молодая личность также сражалась против своего похитителя. Зубы старика оскалились от усилий, но его глаза были сосредоточены на девушке, запертой в ловушке, извивающейся под ним, и светились возбуждением, от которого у Ламберта побежали мурашки по коже.

Визг истерзанного металла начал усиливаться. Посмотрев вниз, Ламберт увидел, как край стола начал загибаться вверх, когда Голубые глаза прижались к нему. Он видел, как маленькие струйки крови сочились сквозь ее пальцы, как зазубренный металл прорезал ее кожу. Он попытался освободить ее руки, но сила ее хватки превосходила все, с чем он сталкивался раньше. Низкое проклятие вырвалось из него, когда он был вынужден использовать вес своего тела, чтобы удержать ее, еще один спазм заставил ее выгнуться со стола. Звук криков теперь заставлял его звенеть в голове.

Трисс не обращала на это внимания. Она все еще касалась головы девушки, ее лоб капал от пота от напряжения. Она выглядела бледной и расстроенной, но была глубоко сосредоточена. — Меригольд! Эй, Меригольд! - крикнул Ламберт.

Волшебницы вяло моргнули зелеными глазами и посмотрели на него. 'Останавливаться! Мы видели достаточно!

Она ошеломленно посмотрела на него, и он почувствовал, как внутри него вспыхивает гнев. Он уже собирался протянуть руку через стол и схватить ее за горло, когда сквозь какофонию криков и ломящегося металла прозвучал другой голос.

'Прекрати это! Достаточно!'

Ламберт был уверен, что никогда еще он не был так рад услышать голос старого ублюдка. Меригольд повернулась к Весемиру, а затем снова к Йеннифэр. — Делай это медленно, Трисс. — сказала другая волшебница. Медленно кивнув, Меригольд вздохнула и постепенно убрала руки. Маленькая сияющая нить света соединила ее средний палец с виском Голубых глаз. Нить замерцала, а затем оборвалась, когда волшебница сделала шаг назад и рухнула.

Йеннифэр мгновенно выпустила призрак, и облако, парившее над ними, рассеялось. Ламберт поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть старика с бессознательными голубыми глазами, ее ночную рубашку, испачканную ярко-красной кровью, ее рот, залитый гораздо более темной

субстанцией. Пурпурное сияние, окружавшее настоящие голубые глаза, исчезло, и тело под его руками замерло. Мышцы расслабляются, ее руки ослабляют хватку на столе.

Был короткий момент, когда холодные пальцы страха начали сжиматься вокруг сердца Ламберта, а глаза девушки оставались закрытыми. Затем, заикаясь, она проснулась, и на ее лице появилась паника, когда она встретила его сопротивление. Его охватило облегчение, когда он посмотрел в ее поразительные голубые глаза, в которых не было и следа темноты.

'Ламберт?' Она прохрипела, ее голос охрип от крика.

«Привет, голубые глаза». Он пробормотал в ответ. Освободив от нее свой вес, чтобы она могла слегка сесть, он осторожно взял ее подбородок в руку и повернул ее голову, чтобы иметь возможность рассмотреть ее. Это была бессмысленная попытка, учитывая, что любые физические раны к этому моменту уже зажили бы, но он не мог удержаться от утешительного процесса проверки ее на наличие травм.

— Дай ей немного космоса, чувак. Девушка не может дышать, когда ты на ней сверху. Ламберт на мгновение напрягся от раздражающего тона Эскеля, но затем осознание того, насколько он был близок на самом деле, и его драматические попытки прийти ей на помощь всего за несколько мгновений до этого поразили его. С неловким кашлем он отпустил ее лицо и сделал шаг назад. Ему повезло, что он это сделал, потому что, как только он очистил ее личное пространство, Голубые глаза склонились над «Грустным Альбертом» и набрали внушительное количество той же бордовой жидкости, которую они все только что наблюдали, как она пьет.

— Что ж, это было определено... поучительно. — сказала Йеннифэр, осторожно отступая от мокрой лужи, растекшейся под ее модными черными ботинками. Слова были легкомысленными, но Ламберт был удивлен, увидев, что обычно невозмутимая волшебница смотрит на Голубые глаза с настороженным уважением. Точно так же, оглядев комнату, он увидел, что настроение изменилось от недоверия и апатии к тихому шоку и трепету.

Следующим заговорил Весемир, и резкая перемена в его поведении чуть не сбила Ламберта с ног. — Спускайся, дитя, здесь некомфортно.

Он недоверчиво посмотрел на старшего ведьмака, но Весемир не ответил на его взгляд. Он услышал звук голубых глаз, спускающихся со стола, высокий стонущий скрип металла заставил его взглянуть на нее. Она неуверенно стояла на ногах, но по решительному выражению ее лица он мог сказать, что попытка помочь ей приведет лишь к отказу. Она была прямой малышкой.

Когда Голубые глаза, шатаясь, направились к ним, перед ними открылись извращенные останки «Грустного Альберта». Стол, выдержавший сотни лет испытаний, казалось, пережил полудемона. Бока были искривлены и погнуты там, где Голубые глаза хватали и тянули в последние мгновения ритуала. Металлические ограничители, как он теперь понял, были сорваны ее руками и ногами, тянувшимися к ним; наручники все еще были прикреплены к ее запястьям и лодыжкам, когда она отошла. В центре стола была большая вмятина, а три из четырех ножек подогнулись.

Эскель издал тихий свист где-то позади себя. «Никогда не думал, что «Грустный Альберт» выйдет таким образом. По моему мнению, вполне уместно. Как бы Эскель ни раздражал большую часть времени, ему пришлось согласиться в этом со своим братом. После своей общей истории с ужасающим куском ведьмачьих памятных вещей Ламберт не мог сказать, что ему грустно видеть его кончину.

— Ну, по крайней мере, оно выполнило свою задачу. Весемир проворчал. Девушка, победившая «Грустного Альберта», шатко стояла в центре их группы. Ламберт увидел, как дрожат ее колени, и вспомнил, когда они впервые встретились. Разница на этот раз заключалась в том, что он был обеспокоен, а не подчеркивал это как слабость.

— Я все еще под подозрением? — спросила она, ее голос все еще хрипел от напряжения. Взгляд Весемира метнулся к Меригольд, которая тяжело опиралась на разрушенный стол, ее рыжие волосы были в беспорядке. Она взглянула на него и покачала головой.

'Нет. Похоже, мы удовлетворены тем, что увидели». Он сделал шаг к ней, его голос стал мягче. «Мы хотели бы принести тебе извинения, дитя. Вы прожили тяжелую жизнь, и вам пришлось заново пережить некоторые из наиболее болезненных ее моментов».

'Мы?' Ламберт усмехнулся. Весемир бросил на него предупреждающий взгляд, а затем продолжил, как будто другой ведьмак даже не говорил.

Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам и выяснить, почему вы здесь. Я уверен, что Йен и Трисс также смогут помочь тебе найти способ вернуться домой». Голубые глаза подарили ему слабую улыбку. Это не совсем дошло до ее глаз.

— Если предположить, что мне нечем заняться, Весемир? Как невнимательно с вашей стороны. - сказала Йеннифэр.

«Я всего лишь предложил ваши услуги, принимать вы их или нет, решать вам». - возразил он, укоризненно глядя на нее. Темноволосая волшебница пожала плечами, ее фиолетовые глаза устремились на девушку-демона.

— К счастью для тебя, когда ты позвонил, я был в замешательстве, а эта... девушка весьма интригует. Я хотел бы узнать о ней побольше. Ламберт прищурился на нее. Он знал Йеннифэр полжизни, но до сих пор ей не доверял. У нее всегда был скрытый мотив или скрытый план, как и у большинства пользователей магии. Было загадкой, что увидел в ней Геральт или кто-либо из них в своем сознании.

Не спешите судить сейчас. Его подсознание подталкивало его, возвращая его внимание к странной, шаткой на вид девушке, стоявшей в главном зале.

'Спасибо. Я благодарен. А теперь, если ты не возражаешь, мне нужно прилечь где-нибудь менее... публично. — сказали голубые глаза, устало пытаясь вернуться тем же путем, которым пришли.

— Куда ты идешь, Эл? — спросил Эскель, преграждая ей путь и протягивая руки на случай, если она рухнет на него.

— Вернитесь вниз. Она ответила. Эскель недоверчиво посмотрел на Весемира. Старый ведьмак покачал головой.

— Вам нет необходимости возвращаться в камеры. Ты показал себя... на данный момент. Он посмотрел на Эскеля. — Она может остановиться в одной из комнат общежития наверху. Покажи ей дорогу. Эскель выглядел облегченным, и в этот момент Ламберту очень хотелось его ударить. На самом деле, ему очень хотелось пробить много чего. Наблюдение за тем, как девушку, которую он привез сюда, подвергли пыткам, заставило его почувствовать гнев, которого он не чувствовал уже долгое время. Он все еще чувствовал, как оно пульсирует в его животе, побуждая его двигаться, ломать вещи. Тяжелый выстрел на тренировочном дворе мог

бы помочь ему, и пока он смотрел, как Эскель провожал Синие глаза к лестнице, туда он и направил свои ноги. Не оглядываясь на остальных или на этот проклятый стол.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3422826>